

18+

М. ОСИНСКИЙ

ТЕМЫ ДЛЯ РАЗГОВОРА

М. Осинский

Темы для разговора

«Издательские решения»

Осинский М.

Темы для разговора / М. Осинский — «Издательские решения»,

Данная книга универсальна и подходит как для приятного, так и для не очень приятного, высшего и не очень высшего общества. Ее ситуативная многофункциональность достигается многогранностью предполагаемых рассуждений, возможностью блеснуть как широтой, так и узостью кругозора, обилием непринужденного и не принуждающего к смеху юмора. Отдельным и единственным плюсом данной книги является то, что по каждой из тем разговоры можно вести сколь угодно долго и столь же абсолютно безрезультатно.

© Осинский М.

© Издательские решения

Содержание

О МЛАДШЕМ ЛЕЙТЕНАНТЕ МИХАИЛЕ ОСИНСКОМ	6
О ЖИВЫХ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Темы для разговора

М. Осинский

© М. Осинский, 2026

ISBN 978-5-0070-7641-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О МЛАДШЕМ ЛЕЙТЕНАНТЕ МИХАИЛЕ ОСИНСКОМ

Мне кажется, ни у кого нет настоящих воспоминаний о лете. Кто бы ни рассказывал, все одно слышу: солнце, жара, деревья. И я, что бы ни пытался вспомнить, не вижу ничего, кроме густой желтизны воздуха и жгущей глаза листвы. Потому и во снах, когда еще удавалось в них убежать, разум рисовал одно сплошное воодушевляющее желто-зеленое месиво.

Опять забил в лицо горячий ветер с песком, прошелся по карманам кителя и выкрал мой посадочный талон, который я бережно не стал складывать пополам, а торчком выставил в нагрудном. Пришлось побегать за ним, пачкая в пыли только что выданные сапоги.

— Ну, Ожа, учишь? — подошел наш командир, пока я отряхивал самый важный свой документ, — Привыкаешь?

— Подполковник! — я отдал честь, и он лениво, словно стер пот со лба, повел рукой без трех пальцев. — Стараюсь.

— Скажу лично, раз встретились. За всеми вами грузовик подъедет, развезет по вокзалам. Дальше сами по себе будете. Пройдемте, на дорожку выпьем, — он, хромая, пошел к составленному из ящиков столу, у которого стояли парни с точно такими же билетами на поезд, выписанными на то же самое имя.

Мне было тошно смотреть, как они, прелые и уставшие, ютятся в тени дерева и смотрят в одну точку на горизонте, откуда начинается дорога. Капитан налил мне полстакана самогона, которые я залпом выпил и закашлялся. И то ли от того кашля, то ли от зноя, то ли от горечи спирта меня вырвало, и прямо рядом с деревом. Но мы, измученные жарой, были согласны терпеть запах, только бы оставаться в единственном затененном уголке.

Стоять нам пришлось долго, но разговоры все никак не складывались, хотя еще год назад, когда нам только довелось встретиться и познакомиться, голоса людей слышались до поздней ночи. Сейчас же только шепотом кто читал свой талон, кто наизусть повторял с закрытыми глазами: «Младший лейтенант Михаил Осинский, 15-ый батальон связи мотострелковой дивизии...» Командир стоял и единственный ничего не учил и не повторял, потому как только за ним грузовик и не приедет — такому человеку даже и с билетом на поезд, будь он хоть на звание маршала, прямой путь под трибунал, а то и в петлю от рук обезумевших в горе. С осознанием этого и предчувствием долгих бегов, а то и скорой смерти, он неспешно глотал красноватую жидкость, морщил лоб и щеки.

Показалось вдали черное пятнышко, и все мы обрадовались, поддавшись внутренним надеждам на то, что это за нами.

— Вот и прощаемся, мальчики. Был рад служить с вами и считаю это честью, кто бы что вам ни говорил теперь. Желаю каждому найти своих родных живыми и здоровыми, чтобы ваше возвращение из мертвых, простите, было, — он сделал еще глоток, которым допил самогон, — счастьем для вас и семей.

Мы закричали: «Ура!», захлопали и постаскивали фуражки с голов, но не от радости, а от желания запечатлеть в памяти нашу последнюю встречу с подполковником чуть светлее, чем оно есть.

Подъехал грузовик, за рулем которого сидели люди в гражданском, нас затолкали и закрыли вход брезентом. И снова стало душно, потому что через плотное, оклеенное полотно не проникало никаких воздушных потоков. Чтобы хоть немного легче дался наш далекий путь, мы улеглись друг на друга и заснули.

Действительно, последняя встреча с командиром запомнилась веселой. И теперь о лете снится мне именно она.

2020

О ЖИВЫХ

1

Меня поднял телефонный звонок.

— Олечка, проснись, милая, — я нежно теребил ее за плечо, параллельно одергивая пиджак и рубашку, — у меня вызов.

— Да? Хорошо, — прошептала она сквозь сон.

— Проснись, мне поговорить с тобой нужно.

— Ну что ты за человек? — она открыла глаза и приподнялась — Что ты от меня хочешь?

— У меня вызов, говорю, мне надо идти. Я ключи свои забираю, ты будешь куда-то выходить?

— Подожди. Вызов? У тебя же отгул недельный. Тебе же только пятого выходить.

— Да, но смены нет — заболели, кроме меня некому работать. В бюро бы просто так не вызвали меня. Сказали — тело. Ну не могу же я отказать.

— Вот как. Тело? Страсти опять начинаются. Не в нашем районе-то хоть?

— Нет, у Пороховского. Не бойся, бездомный какой, скорее всего. Там сторожа собак бродячих кормят, чтоб те блудливых страшали, вот и загрызли одного.

— Собаки! Ты-то цел будешь? — к сожалению, успокаивать женщину, на которую часто кидаются собаки, «всего лишь» собаками — не самое лучшее решение, но понял я это только после того, как она своею еще теплой ото сна рукой крепко сжала мою.

— Я же с ребятами буду, а у них и оружие, и подготовка. Не бойся. Так ты будешь куда-то выходить? Мне оставить ключи? — я погладил ее по голове.

— Я хотела пройтись до магазина, но ты на обратном пути возьми черносливу и хлеб, как в тот раз, с зернами, и тогда мне не надо будет выходить. Если ты, конечно, к вечеру вернешься, — она стала снова устраиваться в постели — Не забудь выключить свет везде, когда уходить будешь. И замок — на оба закрывай.

— Хорошо.

Я улыбнулся ей, уже снова спящей, поправил галстук и вышел из квартиры.

У подъезда, что было весьма приятным новшеством, стоял машина, которую послали за мной из отдела. За рулем сидел еще учащийся, курсант, у которого и звания, верно, не было, но был молодой румянец на щеках, усталость под глазами и огонь — в них. Малец, пока мы ехали, предложил мне чаю, который, по его собственным откровениям, дала ему с собой в термосе невеста, ей же, в свою очередь, этот чай привез отчим из Сибири.

— Спасибо, но у меня аллергия, — пришлось соврать, чтобы не задеть этого милейшего человека.

— Уу-у, — сочувственно протянул он, — вот оно как. Первый раз вижу человека с аллергией. А вы как: прямо задыхаетесь, да, или так, кашляете слегка? Я читал об аллергиях, даже помощь оказать смогу, если захотите, — на последней фразе он горделиво встряхнул головой.

К счастью, мы приехали довольно быстро, и я услышал только пол истории о том, как к нему книга в руки попала на уроках безопасности жизнедеятельности об экстренных состояниях и оказании первой помощи, где он с упоением читал про отек Квинке и что-то еще, о чем он не успел рассказать.

Я вышел из машины, и он сразу же уехал. В отделение, видимо.

— А вот и доктор! — донеслись до меня крики смутно знакомого голоса, который я, однако, не смог распознать. Затем послышались шаги, замелькал свет фонариков, послышался лай служебной собаки.

Ко мне из темноты вышел высокий, крепкий офицер, с которым я, видимо, пересекался когда-то очень давно, и которого я никак не мог вспомнить:

— Доброй ночи, доктор, если позволите назвать ее доброй. Тело у нас, пойдемте, — он взял меня под руку и повел в сторону разрушенной церкви, — тело-то — жуть, доктор, приготовьтесь. Для меня даже — жуть.

— Неужто собаки кого погрызли?

— Если бы. Тут точно не природное дело. Сюрприз рушить не буду — сами сейчас все увидите. Но, повторюсь, — готовьтесь.

Минута-две ходьбы, и мы подошли к месту, которое было хорошо освещено фарами служебной машины и установленным прожектором. Я снял пальто, надел перчатки и прошел к виновнику происходящего.

— Кто сообщил о теле? — спросил я.

— Поступил звонок от сторожа Платко Дмитрия о шуме у церкви, близко который он не имел желания проверять; приехал Ивин со стажером, и вот, нашли тело. Сторожа не нашли, откуда он сделал звонок — непонятно, так как в сторожке телефона нет. Да и сторожа, повторюсь, не нашли. Но ищем: курсант на машине патруль производит, а Ванька — пешком гуляет.

— Вот ведь мистика, — не зная, как подвести итог, пространно сказал я.

— Это ль мистика? На тело гляньте. Вот где мистика.

Я направился к труп.

В ярком свете я увидел то, что так ужасало матерых граждан милиционеров: в идеально чистой, выглаженной, со стрелками на штанах, одежде лежал человек с половиной головы. Лежал аккуратно: рядом с лужей, закинув в нее пальцы рук и только; остатками лица вниз, мозгом наружу. Я присел на корточки рядом с ним и начал констатацию:

— Тело взрослого человека лежит в тридцати пяти-тридцати семи метрах от разрушенной церкви к востоку от нее. Тело предположительно является телом взрослого мужчины от тридцати пяти до пятидесяти лет; рост около, — я достал рулетку и измерил — 165 сантиметров от вершины купола полушарий, нормо- или астенического телосложения. Одежда чистая от следов крови, имеются пятна грязи на передней поверхности тела, тщательно выглаженная; чистота не соотносится с видом смерти; одежда: хлопковая голубая рубашка, соответствующая размеру тела, шерстяные серые брюки классического кроя, соответствующие размеру тела; ярлык на рубашке срезан, на брюках — тоже; нижнее белье: трусы-семейники хлопковые, белые в тонкую синюю полоску, соответствующие размеру тела, майка белая хлопковая под рубашкой, соответствующая размеру тела. Одежда не соответствует погоде: не хватает пиджака или пальто. Одежда не имеет следов износа, предположительно является новокупленной. На безымянном пальце левой руки обручальное кольцо без инкрустаций и гравировок с внешней стороны из желтого металла. Тело лежит на земле, прямо, голова направлена на север/север-северо-запад, ноги — на юг/юг-юго-восток; руки вытянуты вперед-вверх в север/север-северо-западном направлении и тоже лежат на земле, пальцы рук опущены в воду рядом расположенной лужи, запястья рук деформированы; пальцы опущены в воду одинаково: на одинаковую глубину и расстояние между пальцами одинаковое. Голова тела разделена на две части в горизонтально-сагиттальной плоскости, — я приподнял голову и повернул ее лицом к себе, насколько позволял лежащий, держащийся на одном честном слове, мозг — симметричным с двух сторон распилом от угла рта до линии границы второй трети и третий трети теменной кости, — уложил ее в прежнее состояние — кости лицевого отдела черепа от верхней челюсти и выше, часть височной кости без скулового отростка, а именно чешуйчатая часть до борозды средней височной артерии, первые две трети теменной кости, а так же кожа и мышцы этой области, глаза и слезный аппарат отсутствуют; мозг не имеет видимых повреждений, лежит частично снаружи тела, касаясь земли. Иных видимых повреждений, помимо травмы головы и запястий, тело не имеет.

Я привстал размять ноги и вздохнул.

— Ну как вам такая мистика, доктор? — окликнул меня протоколирующий офицер: нет, все еще не могу его вспомнить.

— Да, необычное дело. Я двигать начинаю. Есть еще вопросы?

— В целом — да. Местность потом пойдем описывать, там пока мои ребята осмотр делают. Есть указания для них?

— Да: пусть смотрят на следы от перетаскивания тяжелого объекта, тела, собственно. Оно было во что-то завернуто, иначе таким чистым его не уложить было, так что пусть еще ищут возможные пакеты, ковры, клеенки, брезент, в которые прочно можно завернуть подобного объема предмет. Ну и пусть остальной череп поищут. Вряд ли, конечно, найдут, но вдруг его тут рядом бросили, а тварь какая кладбищенская утащила и глодает.

Офицер громко свистнул, привлекая внимание всех:

— Доктор говорит искать брезенты, клеенки, в которых труп могли тащить, следы от таскания и голову или грызущее что-нибудь животное.

Ему в ответ послышались слова о принятии и понятности сообщенной информации.

Я размял пальцы рук, попросил мешок для одежды с трупа и его вещей.

— Время два часа тринадцать минут утра. Начинаю оценку ранних трупных явлений, — я спустил штаны с трупа, взял термометр и вставил в прямую кишку — на пояснице, задних поверхностях бедер, — я расстегнул рукава рубашки и опустил их к плечам, — на задней поверхности плеч, внутренней боковой поверхности предплечий присутствуют багровые трупные пятна, — я надавил большим пальцем на поясницу. — При надавливании участок кожи, на которое произведено давление, бледнеет, проявляя неокрашенный участок кожи. Трупные пятна находятся в стадии гипостаза. На задней поверхности грудной клетки, ягодицах, задней поверхности голеней пятна на полтона светлее, — я достал термометр и снова посмотрел на часы. — Температура тела в прямой кишке, измеренная в течении пяти минут ртутно-стеклянным термометром составляет 30,4 градусов Цельсия.

Поднявшись, я подошел к своей сумке, достал емкость с дезраствором и замочил в нем термометр. Затем снова вернулся к телу, захватив углометр с транспортиром, уселся на корточки у рук трупа:

— Оценка трупного окоченения. Два часа двадцать восемь минут утра, — я полностью снял с него рубашку и положил в мешок. — Правая рука. Плечевой сустав из положения сгибания на 180 градусов: разгибание — 15 градусов, отведение — 10 градусов; локтевой сустав: сгибание — 20 градусов, супинация — 0 градусов; лучезапястный сустав: сгибание — 5 градусов, разгибание — 5 градусов, отведение ульнарное — 5 градусов, отведение радиальное — 5 градусов. Левая рука. Плечевой сустав из положения сгибания на 180 градусов: разгибание — 15 градусов, отведение — 15 градусов; локтевой сустав: сгибание — 20 градусов, супинация — 0 градусов; лучезапястный сустав: сгибание — 10 градусов, разгибание — 5 градусов, отведение ульнарное — 5 градусов, отведение радиальное — 10 градусов, — я переместился к ногам и тела, сняв штаны его и трусы, продолжил: — Правая нога. Тазобедренный сустав: разгибание — 30 градусов, — я привстал и перевернул его на спину, — сгибание — 40 градусов, отведение — 15 градусов.

— Шишкин, а ну иди сюда, помоги доктору! — крикнул куда-то вдаль офицер.

— Не стоит. Он не тяжелый, да и мне не впервой вращать таких, — я снова перекатил тело на живот; когда оно уже заняло нужное мне положение, из окружающей фонарное пятно темноты выбежал цыган в погонах, прыгнул в форме прямо на колени напротив меня и установился на полуголоое тело; я продолжил. — Левая нога. Тазобедренный сустав: разгибание — 30 градусов. Шишкин, извините, как к вам можно обращаться?

— А? Макар зовут. Так и можно.

— Давайте, Макар, держите его за этот бок и катите на себя, — он аккуратным движением перевернул труп, пока я придерживал мозг. — Теперь вам надо приподнять его таз и бедра и поддержать какое-то время, — он, оскалив от напряжения желтые зубы, поднял нужные части тела и плюхнул их на свои колени.

— Так можно? Чоб не держать.

— Да, но вам придется ноги отдельно немного выше придерживать. Сейчас поднимите эту — я хлопнул ладонью по правому белесому бедру. — Правая нога. Коленный сустав: сгибание — 40 градусов; голеностопный сустав: подошвенное сгибание — 65 градусов, тыльное сгибание — 60 градусов. Левая нога. Коленный сустав: сгибание — 40 градусов; голеностопный сустав: подошвенное сгибание — 70 градусов, тыльное сгибание — 60 градусов. Все, Макар, можете идти. Спасибо за помощь.

И Макар так же резко, как выпрыгнул на свет, сбросил с себя конечности умершего и убежал к своим делам.

— Доктор, может, в машину пройдем, погреемся? Ребята не меньше, чем через 15 минут закончат, — офицер дописал последние строки, захлопнул папу с протоколом и посмотрел на часы. — Там и с заключением предварительным разобраться удобнее.

— Я бы хотел сам вокруг побродить, прежде чем пойдем обход делать. Подумать охота жуткая напала.

Он подошел, снова схватил меня под-руку и повел к машине:

— Доктор, вот вам совет на будущее: не отказывайте милиции в дружеских беседах.

Мы сели в машину: он — на место водителя, отложив папку на панель, я — рядом на пассажирское.

— Я так вижу, вы меня не узнали? — спросив, он стал рассматривать мое лицо.

— Мне подумалось, что я вас где-то уже, вероятно, встречал. Но вы правы — не узнал.

— Понимаю, время-то прошло уже сколько? Года четыре? Вы уже и жениться вновь успели, — он указал взглядом на обручальное кольцо. — Я раньше на севере, в Выборгском работал, а вы раньше в Выборгском жили с первой женой. Нет, еще не вспоминаете? — я промолчал. — Понимаю, я тогда еще сержантом был, зеленый совсем. Да, по глазам вижу, что еще не поняли. Хорошо, тогда представлюсь: капитан милиции Свиридов Андрей Саввич.

— Андрей Саввич... — и в моей голове вспышками начали выстреливать сцены его ругани с медсестрами, его болтовни с молодым ординатором, его беседа со мной.

— Вот, другое дело, товарищ доктор. Я тогда вас хорошо запомнил и, когда нам сказали, кто на вызов приедет, я сразу ваше имя узнал, — он замолчал на несколько минут, будто задумался, а затем продолжил: — Жена ваша, новая которая, как? Нет проблем?

— Я, собственно, и не женат. Кольцо старое ношу в память, — я снял его с пальца и стал вертеть его в реках, рассматривая, будто оно совсем новое.

— Я тоже сейчас один. Женат был, и у нее квартира была в Выборгском, а месяц, или около того, назад разошлись, и я вернулся в свою старую квартиру сюда. Три дня назад перевод оформили. Как раз успели к больничному друга вашего, Игоренкова.

— А что с ним?

— Грыжу себе заработал позвоночную, когда в архиве с уборкой помогал. Говорят, резать надо. Вам он разве не говорил? Вы же врач.

— Не говорил... Спасибо, что сообщили. Я свяжусь с ними, — я начал перебирать в мыслях знакомых хирургов, которые могли бы взять его на консультацию.

— Я вас, Александр Юрич, честно говоря, не для этого позвал. А вот для чего: с женой мы расстались потому, что я работу больше нее люблю, больше детей наших, больше дома. Это нас обоих не устраивало, потому мы спокойно разошлись. А работу я люблю потому, что ничто не приносит столько радости и... удовлетворения, как сажать людей за плохие поступки в эту, — он обвел взглядом салон, — машину. Но одно дело — сажать плохих людей за плохие

поступки; большее удовлетворение, но и меньшую радость приносит тот факт, то и хорошие люди сюда сажаются за...

Его монолог прервал стук большого, грязного кулака в окно:

— Андрей Саввич, сторожа нашли! — и носитель кулака, громко жуя сапогами грязь, убежал.

Свиридов быстро вышел из машины и пошел следом. Мне ничего другого не оставалось, как пытаться поспеть за ним.

По мере приближения до меня все четче доносились голоса; и вот я увидел у склепа, тускло освещаемого фонарем, троих: Шишкина, Ивина и сторожа. Последнего милиционеры пытались поднять с земли; этому их маневру сопротивлялся алкоголь в крови Платко. Помимо просьб поспособствовать подъему на ноги, на сторожа сыпались крики и оскорбления. Весь этот балаган прекратился только тогда, когда Свиридов прикрикнул на Ивина и потребовал объяснений.

— Товарищ капитан, посмотрите, кого из склепа достали! Лежал за плитой в обнимку с бутылкой и молился. Сашка-стажер его нашел: звуки, говорит, услышал из склепа, зашел и вот-те, еще одно тело.

— Мы с ним говорить хотели, узнать чего о том, что он видел, а он, пьянь, все о чертях каких-то рассказывает, — Шишкин тряхнул сторожа за шкирку, — А ну рассказывай, чего видел!

— Товарищ милицейский, — еле выговаривая, запел Платко — я, значит, в сторожке сижу, то и дело по окнам выглядываю, осматриваюсь. Вдруг, слышу — музыка! Неладная такая, неумелец будто играет, и даже непонятно на чем. Ну я, значит, на звук смотрю в северное, — он вылупил глаза, красные от полопавшихся сосудов, на капитана. — Черти! Черти скачут и на плечах несут мешок! Честно, уже пятый день как в завязке. А как увидел, так сразу в склеп бросился и уже не удержался, когда бутылку нашел.

— А ну, гадость такая, хватит дурака валять! — Шишкин тряхнул сторожа за плечо так, что он еле удержался на ногах.

— Вот те крест, — сторож неправильно перекрестился, — что не вру!

— Дмитрий, как вас по отчеству? — снова влез в их спор капитан спокойным голосом.

— Палыч.

— Дмитрий Павлович, мы сейчас вас сопроводим в медицинское учреждение, вы там будете в безопасности, отдохнете, а завтра мы с вами поговорим.

— Какое там! А кладбище? Смены-то у меня нет. Я один заведу, — совершенно растеряно сторож свел взгляд со Свиридова.

— Мы здесь своего человека оставим, — он обернулся к цыгану. — Посади тут стажера на ночь, чтоб до утра сторожил. Потом с первой смены кого найдем.

Взяв Дмитрия Павловича под руку, капитан помог ему подняться и дойти до машины.

— Доктор, ну что? Закончим протокол? — отправив Ивина со сторожем в вытрезвитель, ко мне вернулся капитан с папкой.

— Да, давайте. Исходя из вышеописанного, тело является мертвым шесть-восемь часов; изначально оно лежало на спине с момента убийства и было переложено незадолго до обнаружения. Причина смерти не ясна. Предположить невозможно.

Последующий осмотр окружающей территории был так же неплодотворен: ни люди, ни собаки не нашли и не унюхали никаких следов. Разве что криминалисты похвастались, что нашли пару следов биологических жидкостей метрах в пятистах от тела, на что я не нашелся с ответом.

Я решил сразу же поехать в Бюро для проведения аутопсии, для чего пришлось просить Свиридова связаться с участком, чтобы там вызвали санитара.

В Бюро меня довез капитан и, по приезду, напросился дожидаться в кабинете результатов, несмотря на мои предупреждения о том, что вскрытие займет 2—3 часа, да к тому же заключение будет писаться около часа. Он вольно расположился за моим столом, на моем стуле, взяв из одного из фанерных шкафов потрепанную книгу, которую я опознал как «Психиатрическое освидетельствование в судебной медицине».

— Андрей Саввич, держите, — войдя в кабинет, я протянул капитану исписанные листы, — это отчет в свободной форме, который я обычно для Матвея Матфеевича делал.

Капитан уже сидел с другой книгой в руках, а «Психиатрическое освидетельствование...» лежало в самом низу стопки из пяти книг на краю стола. Он завершил стопку шестой книгой, взял заключение у меня из рук и начал внимательно его изучать. Я присел на стул рядом и тоже занялся чтением документа. На середине второй страницы он попросил включить лампу — читать темно; пришлось идти на вахту и брать ключ от ординаторской, потому что там стояла единственная исправная лампа с целой лампочкой.

Мы были уже на последней странице, когда раздался стук в дверь; затем она приоткрылась, и в проеме показались усталые черные глаза и такие же черные густые брови:

— Здравствуйте. Санитара вызывали? Куда? — тихо спросили глаза.

— Леня, здравствуй; вторая секционная, там только стол надо помыть, — дверь закрылась, и я вернулся к изучению документа.

— Пойдемте, показывать и объяснять будете, — закончив и с отчетом, капитан поднялся, взял фуражку и отчет.

— Мы так обычно не делали. Что вам объяснить?

— Как — «что?», все, что вы тут написали. Я даже не понимаю, зачем этот отчет нужен, но раз уж он есть, то докажите мне его необходимость и расскажите, показывая на трупе. Второй секционный, говорите?

Он вышел из кабинета и направился в зал; я, выключив свет в кабинете, пошел за ним.

В зале ему пришлось поверх майки, рубашки и пиджака четвертым слоем натянуть халат, а пятым — фартук. Медленно одеваясь, он с интересом разглядывал затертые частой помывкой кафельные стены и пол, зарешеченные кварцевые лампы, блестящие металлические столы; завязывая халат, он обернулся и выглянул в окно, но увидел там только свое отражение.

— Начнем вот с чего, доктор, — он подошел к зашитому телу с листком в руках, — внешность и одежда — с этим все понятно. Переломы кистей и ваш вывод, что он правша. Ладно, принимаю, хотя, мне думается, что даже как предположение оно поспешно.

— Нисколько не поспешно. Костная мозоль слева рыхлее, объемнее — основная рука в момент заживления была левая. Однако правая объемнее по мышечной массе: разница в окружности предплечий семь десятых сантиметров, плеч по двуглавой — пять десятых в пользу правой. Он, пока заживал перелом, больше щадил правую, рассчитывая на ее дальнейшую пригодность.

— Допустим, — он отложил кипу бумаг, надел перчатки и стал рассматривать руки моего пациента, — вы их вскрывали, верно? Если вы хотите, чтобы это утверждение приобщили к делу, то нужен еще снимок.

— Говорю же, это не к делу, это для установления личности. Точнее, для облегчения поиска лица. Еще, на что я считаю важным обратить ваше внимание: ему не оказывали помощь с Коллисами, ну, с переломами. Посмотрите на деформации, — я надел перчатки, подошел к офицеру. — Да, окоченение, но когда оно регрессирует, то кисть обратно все равно не разогнется. Следовательно, либо сам погибший не обратился за помощью, либо обратился, но по каким-то причинам снял гипс, или насильно с него сняли какие-то негодяи. И теперь мой

вопрос вам, товарищ милиционер: что могло человека в его статусе заставить не обратиться за помощью?

— Слишком рано этот вопрос задаете, — вздохнув, Свиридов снова взял мой отчет и стал бубнить себе под нос: «гепатит, ПТК в туберкулезу, аппендектомия, стерилизация; нет: язвенных болезней, гастритов, перианальных заболеваний» — вот, это более, чем полезно. Хотя, это же есть и в заключении... А, вот чего еще нет в заключении, «список предполагаемых занятий». Ну, это уже совсем не ваше дело, да и в целом — фантастика, чтобы по внутренностям выискивать, колхозник он или учитель, — укоризненно посмотрев на меня, Свиридов снял перчатки. И вздохнул, — я не Игоренков, доктор, и не вижу никакой ценности в этом дополнительном отчете. В следующий раз, если доведется работать вместе снова, можете не писать его мне. Ну, не унывайте, — я почувствовал хлопок по плечу, — как чтиво — интересно, но я не могу на него опираться, потому что не понимаю, как к подобным выводам прийти по частям мертвой плоти. Единственное: стерилизация. Педофил, получается?

— Нет, точно не педофил.

— А это вы, простите, тоже по органам вычислили?

— У него стерилизация хирургическая — вазектомия: перевязка или удаление части семявыносящих протоков. Извращенцам и психиатрическим принудительно назначается химическая стерилизация, то есть они таблетки пьют, чаще — женские гормоны. Было бы видно, если бы он их принимал. Хирургическая кастрация, как бы странно вам это ни казалось, более гуманная и не нарушает гормональный баланс организма. Как вы понимаете, к операции принудить нельзя, а если бы было и имелась возможность, то, сами понимаете, это в разы затратнее таблеток.

— Значит, появился основной критерий поиска. Вряд ли много людей делали эту операцию, — он сделал пометку карандашом в отчете.

— Легально — да, немного. Но не забывайте, что записей о нелегальных операциях или операциях зарубежных вы не найдете.

— Доктор, опять распространяетесь за границы полномочий.

Устав сам и утомив меня спорами о нужности этого неформального отчета, капитан неуклюже стянул с себя медицинскую форму и уложил все бумаги в потрепанную, уже коричневую от времени папку. Мы вышли из здания, он закурил и предложил подвезти, если я подожду. Стояли на крыльце мы молча.

— Вы сторожу, Платко, врача вызовите. Он горячий, — я отвернулся от окна машины, заканчивая наше обсуждение плана работы на завтра, когда мы уже въезжали во дворы.

— Горячий, значит... То есть, нет смысла с ним беседовать?

— Почему же, есть. Психоз же может давать не все событие целиком, а лишь часть. Тогда что-то полезное можно будет от него узнать. Но вы тогда начинайте сразу, как только в отдел приедете, а то глядишь — не дотянет на выпитом дольше утра.

Офицер взял рацию и передал в отдел, чтобы сослуживцы начинали допрос. На этом, мне думалось, мы и разойдемся, но как только я толкнул дверь, офицер положил руку мне на плечо, задерживая:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.